

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-258-263>

EDN: <https://elibrary.ru/uiixhk>

NIJON: 2003-0059-2/24-033

MOSURED: 77/27-003-2024-02-232

Идеология национализма: политическая психология и правовая реальность

Сергей Рифатович Аблеев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, asr028@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются психологические и политические истоки развития идеологии национализма и ее отражение в правовой и социальной реальности XX–XXI вв. Распространение идеологии агрессивного национализма свидетельствует о культурной отсталости и неизжитых социально-психологических аффектах конкретной нации. Мировоззрение национализма следует воспринимать как тяжелую историческую регрессию, которая сопровождается страданиями несчастного народа, лишенного возможности широкого социального взаимодействия, подлинного духовного развития и межкультурного диалога с иными странами и этническими сообществами.

Ключевые слова: национализм, идеология национализма, общество, политическая психология, политическая культура, правовая реальность, правовая культура, экстремизм

Для цитирования: Аблеев С. Р. Идеология национализма: политическая психология и правовая реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 258–263. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-258-263>. EDN: UIIXHK.

Original article

The ideology of nationalism: political psychology and legal reality

Sergey R. Ableev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, asr028@yandex.ru

Abstract. The psychological and political origins of the development of the ideology of nationalism and its reflection in the legal and social reality of the XX–XXI centuries are considered. The spread of the ideology of aggressive nationalism testifies to the cultural backwardness and unexplored socio-psychological affects of a particular nation. The worldview of nationalism should be perceived as a severe historical regression, which is accompanied by the suffering of an unhappy people deprived of the opportunity for broad social interaction, genuine spiritual development and intercultural dialogue with other countries and ethnic communities.

Keywords: nationalism, ideology of nationalism, society, political psychology, political culture, legal reality, legal culture, extremism

For citation: Ableev S. R. The ideology of nationalism: political psychology and legal reality. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(2):258–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-258-263>. EDN: UIIXHK.

Магистральный вектор развития современного человечества направлен в сторону формирования общего культурного, правового и социально-экономического пространства. В конечном счете, человечество должно преодолеть национальную и политическую разобщенность и от локальных цивилизаций и отдельных государств перейти к единой планетарной цивилизации и интегральному обществу. Однако, сейчас, в силу целого ряда причин, это еще невозможно. Тем не менее, международное взаимодействие и мировая интеграция различных стран и народов совершенно необходимы для выживания человечества, которое по причине своего разобщения рискует не найти действенные решения нарастающих глобальных проблем и дать решительные ответы на исторические вызовы.

В начале XXI столетия процессы так называемой глобализации пошли не в должном направлении и далеко не в интересах всего человечества. В таком

случае обратная, диаметрально противоположная реакция различных государств и народов явилась совершенно закономерным следствием допущенных ошибок. Мы получили нарастающее политическое противостояние, фрагментацию мировой экономики на региональные блоки, государственный экономический протекционизм, всевозможные санкции, барьеры, заградительные пошлины и торговые войны, возвращение к идеологии изоляционизма и национального противостояния.

Политический изоляционизм возрождает средневековые «феодалные княжества», цементирует дефицит политического пространства, стимулирует ксенофобию и межгосударственные войны. Экономический протекционизм рвет ткань формирующегося общего рынка, нарушает логистические связи, препятствует международному разделению труда и глобальному технологическому сотрудничеству. Национализм пресекает широкие культурные и социальные

© Аблеев С. Р., 2024

контакты между этносами, неправомерно возвышает одни и унижает другие, повышает градус ксенофобии, экстремизма и межнациональной вражды.

Таким образом, на современном этапе истории можно отметить два основных препятствия на пути формирования единого планетарного сообщества стран и народов. Первое из них — это *ошибочная стратегия глобализации*, в результате которой сама идея тесного сближения различных национальных сообществ и интеграции государств была скомпрометирована и девальвирована западными бизнес-элитами и непубличными лидерами так называемого американского «глубинного государства». Второе препятствие — это деструктивная *идеология национализма*, имеющая немало различных аспектов и разновидностей: от религиозного и суб-культурного национализма до политического и экономического национализма [1].

Здесь необходимо уточнить, что в отличие от русских философов И. А. Ильина и Н. С. Трубецкого [11], мы вкладываем в понятие «*национализм*» сильный или слабый (в зависимости от контекста) негативный смысл и четко отделяем его от смысловой сути явления, которое можно обозначить как «*национальный патриотизм*» или просто «*патриотизм*». Патриотизм и национализм — это совершенно разные социокультурные явления. Их терминологическое (номинативное) сближение вносит немалую путаницу даже в острые умы философов, тем более в массовое сознание. Подробнее различные сложные типологии и противоречивые трактовки национализма можно посмотреть, например, в работах современных российских исследователей М. Х. Фарукина [12], К. В. Аршина [4], В. С. Бузина [6].

В конце XX — начале XXI столетий волна возрожденного национализма неожиданно захлестнула многие страны. Она явилась следствием серьезных просчетов, которые были допущены элитами, проводившими масштабные социально-политические проекты глобализации и интеграции народов. Это касается не только, например, Европейского Союза, но и постсоветского политического пространства. После крушения СССР во многих бывших советских республиках к власти пришли политические силы, которые на местах так или иначе разыграли карту идеологии этнического, политического или религиозного национализма в ее умеренной или радикальной формах.

Политическая дезинтеграция Советского Союза в значительной мере происходила под флагами на-

ционализма бывших советских республик и освобождения их от власти московских коммунистических вождей. Однако, на самом деле политическое и экономическое разделение единой страны принесло немалые выгоды только узким группам национальных элит, которые за счет обретения независимости от Москвы на некоторое время получили почти бесконтрольный доступ к политическим, финансовым, природным и промышленным ресурсам на местах.

Вместе с тем, результаты деструкции общего государства оказались совершенно не выгодны народным массам этих новых самостоятельных стран, которые вскоре были вынуждены искать работу в России или дальнем зарубежье. В конечном счете, находившиеся у власти кланы и семьи неплохо обогатились. Все остальные, за малым исключением, обеднели или оказались в крайне затруднительном положении. Продавать собственную аграрную продукцию в зарубежные страны бывшим советским республикам оказалось очень непросто. Экономическое разочарование народов Закавказья, Средней Азии и Прибалтики новой социально-политической реальностью, к которой они пришли под знаменами возрожденного национализма, было весьма болезненным и даже обидным.

Так что же представляет собой национализм по своей психологической и экзистенциальной сущности? Это есть идеология национального возрождения или идеология национальной деградации? Оказывается, что в подавляющем большинстве случаев ни о каком прогрессивном возрождении говорить не приходится. Буйный рост национализма, как правило, свидетельствует совершенно о другом: о культурно-исторической отсталости или неизжитых социально-психологических аффектах конкретной нации. Причем ярко выраженный агрессивный или экспансивный национализм есть явный признак культурной ущербности личности и низкого уровня развития духовного сознания нации.

Развитая, исторически успешная, прогрессивная нация, которая имеет существенные достижения в различных сферах культуры и практической жизни, не боится иллюзорной потери своей национальной идентичности от тесного совместного сосуществования с другими народами. История свидетельствует, что, как правило, такие неизжитые страхи одолевают именно те этнические образования, которым либо нечего предъявить на суд мировой истории, либо они отвергают значительную часть своего и близкого по

духу культурного наследия под влиянием той или иной деструктивной идеологии.

Собственной недееспособность в научном, экономическом или технологическом смыслах, а также культурную инфантильность они пытаются иллюзорно восполнить провозглашением формального преимущества по национальной крови и антигуманным унижением других народов лишь на том основании, что они верят в другого бога, имеют другой уклад жизни или другой этнокультурный тип. В свое время, еще Николай Бердяев вполне справедливо подчеркивал отмеченное обстоятельство: националисты проповедуют либо замкнутость, изоляцию, закрытость от других народов и их культур, либо экспансию за счет других народов, их завоевание и подчинение [5].

Государство национального типа даже в Средние века не отличалось социальной и политической устойчивостью. Сейчас мононациональные государственные образования (которых в чистом виде уже почти не осталось) существуют лишь до тех пор, пока им это позволяют другие, т. е. сильные мира сего. Такие сильные государства построены совершенно иначе — по квази-имперскому типу с большей или меньшей степенью федерализации различных территорий и этнических групп.

В таких государствах вовсе не предполагается доминирование одного этноса над другими. Хотя бы потому, что выделение титульного этноса из всего национального многообразия народов большой страны породит межнациональные конфликты и, в конечном счете, разрушит общее политическое пространство. Это объективное обстоятельство белая американская элита смогла осознать еще в прошлом веке. Поэтому во второй половине XX столетия был положен конец расовой сегрегации чернокожего населения США. Американский истеблишмент признал права чернокожих вовсе не из соображений высокого морального гуманизма или братской любви к бывшим рабам, но в силу вполне здравой политической прагматики. Это трудное решение способствовало сохранению гражданского мира и политической стабильности государства.

Любая социальная система, в которой не выдерживается принцип равенства наций или религий, неизбежно обречена на высокую политическую нестабильность. Так, например, ничего вреднее и глупее нормативного запрета русского языка на Украине, после государственного переворота 2014 г., придумать было невозможно [9]. По своей политической недалек-

новидности новые украинские националисты неосторожно взломали черный ящик Пандоры, из которого наружу вырвались силы, неподвластные ни доминирующим политическим партиям, ни службе безопасности, ни национальным карательным батальонам. Неожиданная и стремительная потеря части территорий (Крым и Донбасс) с немалым населением явилась лишь закономерным следствием этого крайне неосторожного и непродуманного поступка. В конечном счете именно оголтелый *украинский ультра национализм* привел некогда цветущую республику с огромными ресурсами и возможностями к глубокому социально-экономическому кризису и вооруженному конфликту с братским российским народом [1].

В современных условиях никакая отдельная нация или небольшое государство не способны добиться процветания без тесного взаимодействия или прямой интеграции с другими странами. Более того, такая страна не может рассчитывать и на реальный государственный суверенитет. Она его имеет в том относительном объеме, в каком ей это разрешают крупные геополитические игроки или влиятельные альянсы. В этом смысле ни Украина, ни Латвия, ни Литва, ни Эстония, ни Молдавия, ни Болгария, да и многие другие европейские и азиатские государства в настоящее время никакой реальной политической независимостью и правовой субъектностью не обладают [2].

Настоящий политический и правовой суверенитет теперь становится явлением редким, весьма ценным и крайне дорогим во всех смыслах этого слова. Не каждое государство способно его сейчас отстоять. Многие, некогда самостоятельные, страны променяли его на «стеклянные бусы» заокеанской демократии или торговое покровительство американского политического и финансового бомонда. Стоило ли, например, вполне «самостийным» украинским лидерам в постсоветский период рвать прочные культурные и экономические связи с Москвой для того, чтобы в конечном счете получить позорный политический ошейник из Вашингтона и покорно ожидать экономические подачки от западных финансовых структур?

Стоило ли наиболее влиятельной в политическом смысле и самой экономически мощной европейской державе (ФРГ) отказываться от крайне успешного бизнеса, доверительного партнерства, разумной безопасности и добрососедских отношений с Россией ради сомнительной *«Евро-Атлантической солидарности»*, которая превратила некогда лидирующую Германию в политического вассала США и экономи-

ческого неудачника стагнирующей Европы? Если для некоторых наблюдателей украинский пример потери суверенитета не является показательным, то свежий немецкий кейс, возможно, заставит серьезно задуматься как экспертов, так и лидеров менее влиятельных, но более замкнутых и националистически ориентированных государств, принимающих недальновидные геополитические и неадекватные идеологические решения.

В отличие от ангажированных европейских политических деятелей, многие российские философы и политологи отмеченную проблему рефлексии вполне ясно и объективно. Большинство современных государств на самом деле *«не способны в одиночку обеспечить ни своей безопасности, ни своего процветания перед лицом возможного конфликта»* [8, с. 74]. В действительности они являются так называемыми лимитрофами — незначительными, буферными странами, политически и экономически зависимыми от влиятельной внешней инстанции. В таком случае все это означает, что такие страны *«не могут быть центрами по-настоящему самостоятельной и суверенной воли в глобальных вопросах миропорядка»* [8, с. 74–75].

Таким образом, рассматривая проблему идеологии национализма в контексте грядущей глобализации и интеграции человечества, необходимо сформулировать и подчеркнуть несколько важных соображений общего характера. Первое соображение: нарастающее объединение (интеграция) человечества неизбежно предполагает перенос центра тяжести политической субъектности (суверенитета) от локальных малых и средних государств к континентальным традиционным супер-государствам или политическим агломерациям, содружествам и протекторатам как государственным образованиям относительно нового типа.

Второе соображение: в условиях нарастания политического веса супер-государств и углубляющейся экономической глобализации малые и средние государства все больше будут испытывать проблемы с дефицитом политического суверенитета, а как следствие — трудности с возможностями проводить независимую экономическую и правовую политику. В подобной ситуации находится, разумеется, не только ФРГ, но и почти все другие государства современной Европы как по отдельности, так и в составе всего Европейского Союза.

Третье соображение: государства националистического типа, склонные к культурному, религиозному и политическому изоляционизму, в исторической пер-

спективе окажутся неспособными обеспечивать свою политическую субъектность и стратегическую независимость. Они будут радикально диссонировать процессам глобальной интеграции культур, экономических систем и политических институтов.

В конечном счете такие страны окажутся слабыми, неуспешными и исторически недолговечными. Показательные примеры — это лимитрофные националистические государства на постсоветском пространстве (Украина, Литва, Латвия, Эстония), деградация которых по самым разным аспектам общественной жизни углубляется на наших глазах.

Вероятно, раньше всех скрытую логику глобального исторического процесса почувствовали в начале XX в. российские евразийцы первого поколения. Тут надо отметить, прежде всего, философа-правоведа и идеолога евразийского движения Н. Н. Алексеева. Он совершенно справедливо писал, что историческая эпоха суверенных национальных государств завершается.

Такие страны рано или поздно будут вынуждены примкнуть к более крупным политическим объединениям, которые могут представлять собой нечто вроде *федеративных империй*. Они будут географически распространяться на целые части света или континенты, что позволит им обрести высокую экономическую и демографическую самодостаточность (автаркию). Сто лет назад, по мнению Н. Н. Алексеева, на статус *«федеративной империи»* или *«государства — части света»* могли претендовать всего три политических объединения — Китай, США, Россия-Евразия. В будущем он допускал появление четвертого политического объединения подобного типа — Пан-Европы [3, с. 413–414].

Таким образом, в контексте давно назревшего формирования единого человеческого общества политическая изоляция, идеология национализма и монациональные государства представляют собой пути в темные исторические тупики. Мировоззрение национализма — это тяжелая историческая регрессия, почти всегда сопровождающаяся погружением в пучину страданий несчастного народа, лишенного возможности широкого социального взаимодействия, подлинного духовного развития и межкультурного диалога с иными странами и народами. В идеологическом и культурном смыслах национализм есть движение человеческого духа в далекое архаичное прошлое, когда мировосприятие находилось в тисках родоплеменных и узко этнических категорий и принципов жизни.

Причем ни в теоретическом, ни в практическом смыслах не следует путать *национальность* как есте-

ственное и вполне нормальное социокультурное явление, и *национализм* как его радикально окрашенное идеологическое извращение. Трудно не согласиться по этому поводу с замечанием Николая Бердяева: «*национальность есть культурно-исторический факт*», в то время как *национализм* есть иррациональное «*превращение натурального факта в идола*» [5].

Вместе с тем, необходимо отметить, что идеология радикального национализма, неправомерно возвышающая одну нацию над другими, это не просто некоторый безобидный этнокультурный идол или абстрактный социально-политический миф. Это есть тяжелая *мировоззренческая девиация* или крайне опасный *психоментальный вирус* недостаточно развитого в социокультурном смысле массового сознания и культурно ограниченного личного сознания. За короткий промежуток исторического времени такой «вирус» может поразить основных субъектов общественной жизни, которые становятся его устойчивыми носителями во всех системах социального организма: интеллигентах, элиту, интеллигенцию и народные массы [10].

Там, где вирус национализма получал неограниченное иными идейными концепциями распространение — всегда появлялась обильная кровь, моральная деградация и культурный упадок. Исторических примеров подобного развития событий вполне достаточно: идеология германского нацизма и гитлеровская псевдоарийская националистическая мифология, ультранационализм украинских бандеровцев и их новых последователей, итальянский национализм фашистского типа, националистически окрашенный экстримизм и радикальный фундаментализм в русле различных религиозных традиций и т. д.

В этой связи необходимо отметить, что современный *украинский неонацизм* вырос не только на почве возродившегося *немецкого нацизма* середины XX в., но и на основе радикального *украинского национализма* начала XX в. Этот оголтелый украинский национализм фактически явился основанием *идеологии прото-нацизма*, т. е. стал первым идеологическим клоном, исторически предшествовавшим второму клону агрессивной человеконенавистнической идеологии, т. е. немецкому нацизму последователей Адольфа Гитлера, который появился в социальном пространстве примерно на 30 или 40 лет позже.

Поэтому трудно не согласиться с известным французским журналистом Куртуа Лораном в том, что украинско-галицкие националисты явились в определенном смысле предтечами идеологов нацистских

расовых теорий¹. Так, в частности, еще на рубеже XIX–XX вв. один из лидеров украинских националистов Николай Михновский в своих, так называемых десяти заповедях УНП (Украинской народной партии), провозгласил опасный принцип «*Украина — для украинцев*». Другие же народы, проживающие на украинских землях (москалы, ляхи, венгры, румыны и евреи), как он полагал, это вовсе не братья, но «*враги нашего народа*».

В таком случае, когда современные президенты-марионетки Порошенко и Зеленский проводили политику этнокультурного геноцида как минимум половины населения своей несчастной страны (искореняли русский язык, выжигали русскую культуру и убивали русских), они не изобретали ничего принципиально нового. Это было целенаправленное осуществление старой идеологии крайнего *украинского нацизма*, которая подогревалась, радикализировалась и ловко использовалась в подрывных целях против России американскими и британскими политическими сюзеренами кукольных гетманов новой «незалежной» Украины.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что возрождение радикального национализма и неонацизма в современной Европе (Украина, Латвия, Литва, Эстония, Германия и др.) имеет не только культурно-исторические, но и политические причины. Европейские элиты не просто закрывают глаза, но сознательно потакают росту националистических и неонацистских настроений в некоторых лимитрофных государствах на линии цивилизационного разлома между Европой и Российской Евразией. Они опять, как и в прошлые столетия, намерены вырастить зловещую силу, политически поддержать любых радикальных экстремистов, лишь бы они выступали против интересов России, нападали на Русский мир и создавали ему непреодолимые проблемы.

Возможно ли излечение общества от вируса национализма? В общем отвлеченном смысле национализм излечивается культурным развитием нации, широким образованием и духовным просвещением личности. Применительно к массовому сознанию отдельного государства на психологическое избавление от аффектов и иллюзий национализма благотворно влияют глубокий экономический кризис, культурный упадок, политическая нестабильность и историческое забвение.

¹ Лоран К. // интернет-проект ИноСми.ру.

Список источников

1. Аблеев С. Р. Евразийская Россия : философские смыслы метаистории и геополитики. М., 2023.
2. Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Кузьминская С. И., Марченя П. П. Цивилизационный суверенитет России : проблемы и дискуссии. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2018.
3. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
4. Аршин К. В. Национализм // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 154–174.
5. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. 1994. С. 347.
6. Бузин В. С. О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 311–324.
7. Гринин Л. Е. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине // История и современность. 2015. № 2. С. 3–44.
8. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. М., 2021.
9. Кузьминская С. И. Языковой экстремизм как форма радикального национализма // Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма : всерос. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. / сост. В. В. Плотников. М., 2023.
10. Сушко А. В. «Вирius» национализма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2016. № 2. С. 47–50.
11. Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 9.
12. Фарукшин М. Х. Лики национализма // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 261.

Информация об авторе

С. Р. Аблеев — начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, член Российского философского общества.

Information about the author

S. R. Ableev — Head of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Member of the Russian Philosophical society.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 13.02.2024; approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 05.04.2024.